

Алексей Ханькин

Инна Подзорова

САГА ОБРЕЧЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ

НЕРАССКАЗАННЫЕ
ЛЕГЕНДЫ

Алексей Ханыкин

**Сага обреченных земель.
Нерассказанные легенды**

«Автор»

2026

Ханыкин А. Ю.

Сага обреченных земель. Нерассказанные легенды /
А. Ю. Ханыкин — «Автор», 2026

Прежде чем грянет главная битва, земля содрогается от поступи оставшихся за кадром. Пять судеб, разорванных временем, скреплённых нитью проклятых земель. Пока Пантир не ступил на путь, юная Танзи бросает вызов предрассудкам, вступая в Орден Длани, не ведая, что глухая деревня станет горнилом жестокости. Арчивальд, наследник великой династии, узнаёт цену герба: величие рода держится на крови и лжи. Аспер идёт по следу Пантира, но каждый шаг тонет в тени предшественника, заставляя сомневаться. Освальд, проклиная день роковой ошибки, пытается скрыться от возмездия в забытой деревушке, но прошлое настигает в самый неподходящий миг. Дастин с командой ступает на пепелище Никлауса. Чёрный гримуар манит силой, но руины хранят тайны, что свяжут этот мир с кошмаром. Три эпохи в одной книге. Прошрое, определившее настоящее. Настоящее, ставшее расплатой. И будущее, стучащееся в ворота. Вы видели вершину. Время взглянуть в бездну.

© Ханыкин А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Длань	5
Выбор	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Инна Подзорова, Алексей Ханыкин

Сага обреченных земель. Нерассказанные легенды

Длань

– Тебя ждёт великое будущее, моё дитя! Я ясно вижу: ты поднимаешь над головой клинок, и десятки, нет, сотни воинов повторяют вслед за тобой. Вы все идёте вперёд, в ваших глазах лишь уверенность в своих делах. Вы – орден Длани, и ваша цель – кара неверных.

– Значит, я стану такой же, как ты, дедушка?

– Разумеется, моя дорогая Танзи.

Старик Джиллин взял девочку на колени и рассмеялся. Танзи, не понимая, отчего её дедушка смеётся, решила спросить, но хорошее настроение заразило и её. Через мгновение и она вовсю заливалась смехом.

Послышались шаги. Громкие, резкие, гневные. В комнату спешил Лиор – отец Танзи, сын известного в королевстве воина Джиллина. Девочка, почувствовав скорый гнев отца, затаила дыхание. Старик погладил её по голове:

– Ничего не бойся.

Дверь открылась с грохотом, едва не ударившись о стену. Девочка вздрогнула. Лицо Лиора было багровое от гнева, глаза бегали, смотря то на дочь, то на отца.

– Ты с ума сошёл! – начал мужчина. – Чтобы моя дочь пошла по твоим стопам? Стала лидером Длани?

– Я совершил ошибку, вырастив такой никчёмный побег, как ты. Долорем дал мне второй шанс. Я его не подведу!

– Танзи не твой второй шанс! – кричал Лиор. – Она моя дочь, и я не хочу, чтобы ты посвящал её в свои грязные дела. Вы – секта, которая дурит даже короля!

Терпение старика кончилось. Он поставил девочку на ноги и встал сам. Джиллин был на голову выше; соединив редкие седые брови на морщинистом лбу, он сделал глубокий вдох:

– Моё имя стало для этой семьи фамилией! Знаешь, что это значит? – Джиллин басил так, что его слышали во всём доме. – Корона дарует семье фамилию в честь человека, который сделал для Королевства многое, нет, больше, чем многое! Потому я – последний в этой семье без фамилии! А ты – Лиор Джиллин, а она, – он махнул на тихо вытирающую руками слезы девочку, – Танзи Джиллин. Так что закрой свою вонючую, мерзкую пасть и уважай, что Я, в отличие от тебя, буду известен потомкам!

Танзи спрятала лицо за ладонями. Её глаза застилали слёзы, которые предательски возвращались каждый раз, когда она их вытирала рукавом платья. Она развернулась и побежала прочь от шума, в единственное безопасное место. Через комнаты, едва не сбив прислугу, она выскочила из поместья и побежала на задний двор. Быстро взобравшись по небольшим дощечкам, прибитым к дереву, она начала считать, как скоро сможет спрятаться за деревянными стенами, в укрытии зелёного дерева. Только здесь Танзи чувствовала себя защищённой. Спешно взобравшись, девочка поспешила в тёмный угол; прижав голову к коленям, она наконец смогла заплакать, не стесняясь слёз.

Так прошло девять лет.

Наступил её пятнадцатый день Рождения. Дедушка Джиллин публично пригласил её дать клятву и вступить в ряды ордена Длани. Тогда они вступили с отцом в перепалку, и девочка вновь поспешила к себе в убежище.

Это был последний день, когда она могла спрятаться от всех невзгод в небольшом домике на старом дереве.

На следующее утро к поместью приехал Джиллин в сопровождении десятка солдат в тяжёлых стальных доспехах. Вместе с ними прибыли ещё двое: советник Короля и его сын. Оба были уже не молоды, но их глаза пылали необузданным огнём веры в праведность своего дела. Девочка наблюдала за ними с дерева, и никто внизу не догадался, что каждое их действие для неё как на ладони. Джиллин и старый советник спешили с лошадей и терпеливо ждали у входа в поместье, пока их встретят. Отец не торопился. Скрыть волнения мужчина был не в силах: руки предательски дрожали, пока он плёлся к выходу, и потому он сразу решил скрестить их на груди и идти так. С высоты он выглядел смешно, но Танзи не смеялась. В сердце у неё был лишь страх.

За Лиором вышел мужчина из прислуги, спешно нагоняя господина и следуя позади ровно на два шага – всё по правилам поместья рода Джиллин.

Вскоре они встретились с гостями. Лиор пренебрежительно спросил у своего отца причину визита, но тот ничего ему не ответил. Он лишь продолжил ухмыляться.

– Гривус, подай нам текст, – вперёд вышел старый советник короля и махнул в сторону. Его сын достал из седельной сумки свёрнутое письмо и поравнялся с ним.

Из поместья к ним выбежала мать Танзи – Ора. Гривус, терпеливо дождавшись, когда и она подойдёт, сорвал сургуч с письма, и тихим, ровным голосом начал читать:

– Обращение к родителям девочки Танзи Джиллин – Лиору и Оре. По причине владения информацией, что вашими глазами до девочки может быть донесена неправда в том, что Джиллин, который является её дедом, руководит группой бандитов, или преступников, или иных людей, действия которых неодобрительны Короной и лично мной, заставляю меня писать письмо на ваше имя. Даю наказ передать девочку на временное воспитание моим советникам и её деду Джиллину. Время воспитания оставляю неопределённым, чтобы позднее вы решили это переговорами самостоятельно. Через три ночи после прочтения письма приказываю наравить девочку; в случае неповиновения Лиор и Ора Джиллин будут признаны предателями. Король Королевства Герольд Седьмой.

– Иными словами, – заговорил вновь советник, – через три дня мы вновь приедем, чтобы забрать вашу дочь. После этого приезжайте в столицу, мы вместе оговорим её время пребывания под руководством ордена Длани. Вопросы?

– Ты окончательно сошёл с ума! – Лиор завопил, наступая на старика-отца, но прислуга его остановила.

Старый Джиллин, погладив свой седой ус, усмехнулся и направился к лошади. Остальные поступили так же и вскоре покинули владения. Когда их силуэты скрылись вдалеке, Лиор дал волю эмоциям: упав на колени, он схватился за голову. У Танзи ещё сильнее сжалось что-то внутри.

На следующий день, на восходе, у поместья их ждал чудной мужчина с неестественно широкими глазами и жуткой, вытянутой от уха до уха улыбкой. Танзи увидела его из окна своей комнаты и насторожилась. Выйдя в коридор и найдя прислугу, она попросила их сообщить родителям, что возле поместья ходит странный мужчина. Они, как и следовало, безукоризненно выполнили свою работу.

Вскоре к гостю вышел отец, а за ним и мать. Они радостно приняли чужака, пригласили войти, но тот отказался. Приехала повозка. Увидев её, Лиор поспешил в дом. Запыхавшись, он ворвался в комнату девочки и закричал:

– Ты ещё не собрана? Почему?

– Папочка, что происходит?

– Как что? Быстрее! Прислуга! – ещё громче закричал он. Тут же в комнату вошли две женщины, испуганно поглядели на своего господина и слегка поклонились. – Чего вы стоите?! Помогите собрать вещи! Самое необходимое! Мы отправляемся!

Женщины замешкались. Они какими-то правилами из большой гардеробной девочки выбирали платья и аккуратно складывали в небольшой чемодан, вовремя подставленный рядом Лиором. Выбрав тройку, они помчались к другому шкафу собирать остальное бельё и на ходу объяснять девочке, в каком случае следует надеть ту или иную вещь.

Танзи смотрела на этот переполох с непониманием и ужасом. Она желала вновь убежать в свой домик на дереве, но не могла: отец суетился, что-то подсказывал прислуге и говорил Танзи внимательно смотреть и запоминать.

– Там, куда мы поедem, будешь делать всё сама! Поняла? Вот, чего стоишь? Давай, помогай, – приговаривал Лиор, но тут же остепенялся. – Нет, ну куда ты идёшь? Стой в стороне и смотри. Ох, нас ждут, понимаешь?

Танзи тихонько захныкала. Ужас происходящего поглотил её с головой, и она не могла понять, что ей делать. Она хотела, чтобы приехал дедушка Джиллин и спас её.

Не выдержав, Танзи бросилась к отцу, обняла, прижалась к его рубашке и заплакала. Лиор простоял так, пока прислуга не бросилась к очередному шкафу. Тогда, закричав, он оттолкнул девочку, наказав идти к матери.

– Да чт? Да куда? – не унимался Лиор. – Всё! Довольно. Хватит ей вещей.

В этот момент Танзи выбежала из комнаты. Она пронеслась по пустому коридору и выскочила на улицу, чуть не столкнувшись со старым домоправителем. Тот нёс два чемодана к карете. Он пошатнулся, едва удержав равновесие, и с состраданием посмотрел на девочку. Танзи испугалась ещё сильнее. Оббежав его, она, из последних сил стараясь не зарыдать, бросилась к матери.

– Мамочка, мама! Что происходит?

– Тише, тише, – она погладила дочь по голове и обняла. – Скоро всё будет хорошо. Нам нужно уехать на время из-за твоего деда. Но, как только всё наладится, мы вернёмся. Главное – не бойся. Ничего не бойся. Просто верь, хорошо?

Танзи не могла понять, как долго они ехали в повозке. Окна были закрыты тёмной шторой, и смотреть на дорогу она не могла. Лишь дыра вверху позволяла свету попадать в закрытый каретный короб. Было ужасно скучно: родители не говорили, лишь изредка напевая какую-то мелодию, и иногда приговаривали: «Нужно верить, что всё будет хорошо, и мы верим!».

День медленно тянулся к своему завершению. Среди синевато-алой пелены заката можно было разглядеть первые звёзды.

Желудок ужасно сосал и выл, но никто в карете не придавал этому значения. Танзи боялась сказать о голоде родителям, боялась, что они вновь её не послушают и упрекнут, что она «не верит».

После очередного знака от желудка, когда голодная тошнота стала подступать к горлу, карета остановилась.

Дверь приоткрылась, и девочка увидела пугающие широкие глаза и растянутую на всё лицо улыбку.

– Пора отдыхать, – пропело улыбающееся, напоминающее человека существо и настежь открыло дверь.

И Танзи увидела два небольших деревянных домика. Вдалеке виднелся лесок, а за кронами деревьев возвышались пики горного хребта. Девочка не могла понять, куда их привезли, и даже знания картографии не позволяли ей сориентироваться.

Через три дня они прибыли. Горный привал – небольшая деревушка у подножия гор. Последнее поселение для странников, которые решат испытать себя и взойти к снежным вер-

пинам. Деревушка была безызвестной, здесь мало кто проходил, и она не входила в торговую дорогу в огиб местных гор.

Люди встретили гостей с широко раскрытыми глазами и улыбками, от которых у Танзи кровь стыла в жилах. Сначала к ним навстречу вышел отец и первым делом поблагодарил за то, что те решили приютить их.

Жители продолжали улыбаться и не спешили беседовать. Лишь старик, который представлялся Главой, неохотно пригласил войти.

В Горном привале было немного домов, и все они полукругом возвышались над небольшой площадью в центре. Почти все дома были деревянные, и казалось, что в них было ужасно холодно из-за соседства со снежными великанами.

– С вами нельзя говорить, – объяснил Глава, пока вёл семью к их домишке, – потому что не знаете правил. Вы не постигли счастья, и потому ваши уста могут вложить в нас ложь, грязь и порок. Мы заговорим с вами, когда вы будете к этому готовы.

– Если таковы ваши правила, мы будем их уважать.

Старик больше ничего не ответил. Он привёл их к старой, покосившейся от времени и сырости хибаре. Дверь едва закрывалась, и от дуновения ветерка петли скрипели протяжным жутким воем. Танзи вжала голову в плечи, понимая, что именно здесь им придётся жить. Старик остановился и показал пальцем на хибару. Мама Танзи, недолго думая, решил возразить, но Лиор её остановил. Ора лишь разочарованно вздохнула и повела дочь внутрь.

Как только дверь за ними закрылась, Глава спешно захромал прочь. Он словно бежал от их дома, и возраст был ему для этого не помехой.

Танзи ожидала, что это будет ужасный, холодный, противный и безжизненный дом, но внутри оказалось довольно уютно. В главной зале из стены выпирал неуместно большой пристроенный самовольно камин, в котором догорали брёвна. Стены, по всей видимости, для утепления, были увешаны разного рода старыми гобеленами, рисунки на которых давно стёрлись во времени и шкурами зверей. Рядом с источником тепла располагался большой стол и несколько прочных деревянных стульев. У обратной стены стоял полупустой книжный шкаф: половина из книг отсырела, некоторые были изорваны и, скорее всего, ранее использовались для растопки камина, но некоторые были в добротном состоянии и ждали момента, когда их откроют. В двух других комнатах, которые считались спальнями, мебель была на удивление новой, словно на днях привезённой из мастерской. Рассматривая убранство дома, Танзи немного успокоилась. Ей нужно было занять себя, чтобы не думать обо всех этих событиях.

Не желая нагонять тревоги в стенах старого дома, девочка решила осмотреть Горный привал и увидеть горы поближе. Открыв дверь, она тихонько вышла и неспешно побрела в сторону площади. Ей было интересно рассматривать новые земли, и так она пыталась полюбить их, усмирить в себе желание вернуться домой и попросить у дедушки Джиллин помощи.

На улицах никого не было, это место казалось давно заброшенным: ни цветов, ни украшений, лишь сорняк и старые деревянные дома. Девочка рассматривала их, пока не увидела в окне человека. Он ужаснулся и выбежал из дома, несясь со всех ног к площади. Танзи замерла, провожая его взглядом до тех пор, пока чужак не скрылся среди домов. И тогда она увидела идущего к ней старика – Главу. На его старом лбу собралось больше, чем обычно, морщин. Глаза скривились от гнева. Он перебирал ногами быстро, скаля зубы. Танзи попятилась назад. Со всех ног она бросилась в дом и скрылась в комнате, которую выбрала для себя. Старик не заставил себя ждать. Бесцеремонно он ворвался в дом и, увидев родителей девочки, подошёл к ним. Его лицо заливалось алым гневом, и он какое-то время обдумывал слова.

– Я говорил, что вы ещё не готовы? Говорил! Вам следует избегать жителей Горного привала! Вы можете навредить им, принести к ним неверие, несчастье! А ваш выродок разносит чернь по улицам!

– Выродок? – скривился в гневе отец. – Следи за словами, старче. Она не выродок, она наша дочь!

И без того алое лицо залилось ещё большим гневом, но продолжать спор старик не решился. Он закашлял, словно долго держал это в себе, затем сгорбился, и, уже устало и едва слышно, заключил:

– Я найду поверенного, который будет носить вам еду и правила. Выучите их и блюдите. Тогда будет разрешено покинуть стены. Если покинете ещё раз без одобрения, вас ждёт кара.

Он ещё раз крякнул и вышел прочь, хлопнув скрипучей дверью.

Танзи, заливаясь слезами, вышла из комнаты. Она ожидала, что родители за сделанное её сильно отругают, и была готова к этому. Танзи подошла к ним и, словно сдавшийся перед хозяином щенок, проскулила:

– Простите.

– Здесь нет твоей вины, – обняла её мать, – и тебе не за что просить прощения. Всё хорошо.

Следующая пара дней прошла ужасно. Как и было обещано Главой, три раза в день мужчина приносил им на небольшом ящике с прикрепленными к нему колёсами еду и несколько тонких книг, забирал посуду и, ни проронив ни слова, уходил прочь. Танзи умирала со скуки, ей не хотелось находиться ни в этом доме, ни этом поселении, полном странных и опасных людей. Кормили неплохо, но девочка редко прикасалась к еде. Ей было страшно получать что-то от людей из поселения. Она прочитала несколько книг из шкафа и пыталась изучить правила, которые приносил вместе с едой мужчина, но они были написаны небрежно и сложно, так что девочка бросила попытки что-то понять. Родители тоже не испытывали радости, хотя старались этого и не показывать.

Вскоре отец не выдержал. Он не мог видеть, как над его семьёй издеваются, и потому, нарушив запрет, вышел из дома. Танзи хотела его остановить, но не решилась. Единственное, что она смогла придумать, – это проследить, чтобы с ним ничего не случилось. Выйдя из дома так, что дверь почти не проскрипела, она шмыгнула в заросли и пошла через брошенные огороды. Она старалась не терять отца из виду, но и следила за домами: нет ли в них жителя, который опять заметит их и побежит прочь, и не выскочит ли из ниоткуда тот старик с багровым лицом. Но, вместе с тем, она не знала, чем ещё может закончиться разговор отца с поселенцами.

Вскоре он вышел почти к главной площади в центре деревни и осмотрелся. На улицах никого не было, и он был в замешательстве: куда идти дальше, он не имел ни малейшего понятия.

Танзи сидела в высоких зарослях, издалека смотря за отцом. Она видела, как к нему навстречу вышел старик Глава, как они о чём-то тихо говорили и как к ним вышли ещё несколько человек. Она видела, как жители деревни набросились на отца, повалили на землю и начали избивать руками и ногами; кто-то подбирал палки и камни и продолжал бить уже ими. Страх подступил к груди, заболело под ложечкой. Пустой желудок собрался выпустить что-то, таящееся внутри на волю. Сквозь заросли она ринулась обратно в дом искать спасения у матери.

«Дедушка, а что делает Длань?» – Танзи любила задавать этот вопрос Джиллину и слушать, как он надолго затягивает историю об ордене, его подвигах, целях и том, как он верой и правдой служит Королевству.

Но однажды старик решил рассказать ей о ритуале, что проводят новобранцы ордена. Взяв девочку с собой, он несколько раз взял с неё клятву молчать о том, что она увидит. Девочка согласилась.

Джиллин привёл её в одно из убежищ, где должен был пройти обряд принятия новых членов. «Назад дороги не будет» – предупредил всех собравшихся в небольшой комнатке старик. Перед ним стояли семеро парней и девушка, а за его спиной в огромных тёмно-красных доспехах за ритуалом наблюдали четверо воинов и Танзи.

Старик Джиллин произнёс перед ними долгую речь и в завершение сказал:

– Главы семей, подойдите к своим новым детям.

Солдаты за его спиной разошлись. Кто-то подошёл и отвёл в сторону несколько человек, кто-то по одному. Теперь лишь Танзи за могучей спиной старика смотрела, стараясь не моргать и не упускать ничего.

– Начнём посвящение, – Джиллин достал из ниоткуда небольшой кубок и протянул одному из мужчин в доспехах. Тот снял перчатку, положил её на пол и рассёк ладонь. Кровь стремительно закапала в чашу, пока лидер ордена его не остановил. Следом он вылил содержимое небольшого флакона и сам взял в руки кубок. Он засветился голубой палитрой, сменяемой на алую, пока вовсе не угас. Старик терпеливо дождался, когда сияние кубка угаснет, и протянул первому новобранцу:

– Клянёшься ли ты служить верой и правдой Королевству, его людям и носителю короны, его семье и всем, кому доверяет он? Клянёшься ли ты защищать отчий дом, что зовётся Королевством, вместе с новой семьёй, принести им победу либо пасть в битве? Клянёшься ли ты посвятить себя ордену Длани и быть с ним до последней капли крови?

Вытянувшись, мужчина взял в руки кубок и повторил:

– Клянусь служить верой и правдой Королевству, его людям и носителю короны, его семье и всем, кому доверяет он. Клянусь защищать отчий дом, что зовётся Королевством, вместе с новой семьёй, принести им победу либо пасть в битве. Клянусь посвятить себя ордену Длани и быть с ним до последней капли крови. За Корону! – юноша поднял кубок над головой, медленно опустил и сделал глоток.

Джиллин спешно забрал кубок, улыбнулся и похлопал его по плечу:

– Добро пожаловать, – тепло ответил глава ордена.

В следующий миг юноша закашлялся, сгорбился, и, хрипя, упал. Танзи ахнула и попятилась назад. Старик засмеялся:

– Он потерял сознание, а не умер. Не все могут сразу принять такую силу. Кто потеряет сознание, попадёт в лазарет.

Успокоив девочку, он продолжил ритуал, осушая кубок, когда заканчивали с одной группой, и проводил всё сначала каждый раз, когда новый член ордена Длани принимал в свою «семью» новых людей.

Танзи не понимала смысла увиденного, боялась, но не прекращала смотреть. Она знала: это было необходимо, а значит, если в будущем ей суждено вступить в орден, и ей предстоит пройти этот ритуал.

Почти до самого возвращения домой девочка не проронила ни слова. Лишь подъезжая к поместью, она решилась спросить:

– А это больно, дедушка?

– Ты про то, что видела?

– Да Это больно?

– Дурёха! Конечно, нет! Мы в ордене заботимся друг о друге, и это нужно, чтобы скрепить нашу связь. Стать семьёй! – улыбнулся старик. – Ох, точно! Дай-ка свою руку, покажу, как делается оберег. О таком знают только в руководстве нашего ордена. Это будет ещё один наш с тобой секрет.

Девочка хихикнула и протянула ручонку. Старик взял кинжал и сделал на своём пальце надрез. Бережно он начал рисовать кровавым пальцем на ладони девочки символы, и она,

сквозь страх, посмеивалась от щекотки. Когда Джиллин закончил, кровавый след на руке вмиг исчез. Он улыбнулся:

– В какой бы беде ты не оказалась, орден Длани найдёт тебя и спасёт. Обещаю.

Танзи не помнила, как ворвалась в дом, как ужасно скрипнула дверь, и она влетела в объятия матери. Слезы застилали лицо, и даже сказать она ничего не могла. Лишь рыдала.

В дверь постучали. Сильно и настойчиво. Казалось, хотели её вовсе сломать, но повредили.

Ора приобняла дочь и наказала остаться в комнате, сама же мешкая направилась к выходу. Собравшись с духом, она отворила едва державшуюся на засове дверь. Перед ней стояли двое мужчин. Они широко улыбались, но в глазах проступала ненависть. Громким басом один из них заговорил:

– Вы нарушили правила! На вас ниспадёт кара, и знайте

Его остановил звук колокола. Из центра Горного привала доносился приятный трезвон, и мужчин вмиг повернулись на его зов.

– Посвящение. Новый человек в семье!

Совершенно забыв о разговоре, они поволочились на колокольный звон. Удивлённая, Ора смотрела им в след, пока её не сбила с ног Танзи. Она выбежала из дома и, сиганув в кусты, скрылась из виду.

Девочка неслась вперёд через колючие и острые сорняки, спотыкалась, падала и тут же вставала. До центра деревни Танзи добралась быстро, и, запыхавшись, выбежала из кустов. Она увидела Главу, который звенел в колокол. Вокруг него собирались люди. Не обращая внимания на девочку, он прочистил горло и закинул руки к небу:

– Сегодня мы рады, – завопил он, – сегодня мы встречаем в нашей семье нового человека! Отпразднуем рождение пиром!

Медленно, с растянутой до ушей улыбкой и широко открытыми глазами, из ближайшего дома вышел её отец. Девочка закричала. Она не помнила, как бежала обратно и бежала ли вообще. Когда она оказалась у дома, её встретила мать и взяла на руки. Танзи была без сил; ужас и отчаяние окутали её тело. Она нескладно объяснила, что увидела. Ора оторвала от ближайшего старого заборчика попрочнее палку и улыбнулась:

– Пора спасти твоего отца. Будь здесь. Запрись и никому не открывай.

Танзи послушалась. Она задвинула засов и на всякий случай пододвинула к двери стул. Пospешив в комнату, она достала несторевающий прут из камина и подошла к окну.

Ора шла неуверенно. Голова болела сильнее, когда она приближалась к центру деревни, откуда неустанно продолжал звенеть колокольчик. Она протёрла глаза и пошла дальше. Обогнув дом, она выглянула с пригорка и ужаснулась. Жители деревни с широко раскрытыми ртами, смеясь, ели с земли сырое мясо распотрошённых оленей, волков и кабанов. Смотря за ними с забавой и радостью, Глава продолжал отбивать такт колокольчика. И после среди толпы она увидела своего супруга, монстра, ничем не отличающегося от остальных, что сейчас отрывал кусок от кишок несчастного оленя. Она поспешила назад.

Издалека увидев её, Танзи убрала со входа стул и открыла дверь. Ора, не откладывая палки из рук, засуетилась:

– Возьми что-нибудь для, да, прут, хорошо, крепкий, и бежим! Здесь опасно! Почему мы вообще сюда приехали? Не понимаю, словно в тумане было Неважно!

Она схватила дочь за руку и понеслась прочь из дома. К ним уже подбегали местные жители: пара десятков безумцев с широкими глазами и жуткой улыбкой неслись к дому, приговаривая одно слово: «Наказание!»

– Танзи, дочка, – схватила её за плечи Ора, – беги через окно прочь, спасайся. Найди Джиллина и расскажи, что здесь произошло! Спеш!

Она поцеловала дочь, помогла выбежать в окно на другой стороне дома и подпёрла дверь стулом. Взяв полено, она швырнула его в ближайшего безумца, и тот, крикнув, упал без сознания.

Танзи бежала прочь. Она не знала куда, просто неслась, пока не добралась до леса. Споткнувшись о корни дерева, она едва не упала, ударилась, но замедлилась, лишь когда ноги стали тяжёлыми. Она перешла на шаг. Кроны деревьев зашумели от ветра, и среди них девочка услышала крик. Она не могла разобрать его: либо кто-то звал её, либо кричал, либо просил о помощи, но девочка вновь пустилась бежать. Оббежав ещё несколько деревьев, она упала на колени и заплакала. Ноги налились усталостью и безостановочно пульсировали в такт сердцу. Она хотела закричать от боли и отчаяния, но остановила себя: побоялась, что на крик придут люди из деревни. Медленно подползая к корням дерева, она старалась успокоить себя, не кричать, а вставать и бежать дальше, найти Джиллина и попросить о помощи, пока не стало поздно.

– Пока не стало поздно, – повторяла она вслух раз за разом, прижавшись к стволу могучего дерева, погружаясь в тяжёлый сон.

Ей снилось, как она идёт по бескрайнему полю, усеянному несозревшим белопушником, сейчас напоминавшем маленькие копии солнца, что плывёт по небу. Уже скоро они станут белыми шариками, которые от любого дуновения рассыпятся, обратятся в прах, полетят прочь, неся надежду на новую жизнь. Танзи шла, любуясь жёлтыми цветками, как вдруг её окликнули. Когда она обернулась, поняла, что оказалась не среди прекрасного луга, а в залитой кровью низине. Небо стало кроваво-красным, собирался дождь. Вдалеке стояли люди, и все они, широко улыбаясь, звали девочку к себе. Она невольно сделала шаг им навстречу. Затем ещё один. И увидела себя со стороны. Тело двигалось само по себе, делая шаг за шагом всё быстрее и быстрее, а на лице от уха до уха растянулась жуткая улыбка. Она закричала.

Сама не поняв, как проснулась, она сорвалась со своего места у корней и понеслась вдаль. Не разбирая дороги, пытаясь убрать распущенные сальные волосы с лица, она не заметила небольшого дерева и больно о него ударилась. Кошмар исчез, на его место вновь возвращалась усталость. Желудок крутил, ожидая восстановить силы через пищу. Девочка вздохнула. Встав, она побрела, стараясь найти что-нибудь съестное. Как долго она брела, Танзи понять не могла. Голод и усталость не давали мыслить, лишь двигали её вперёд, пока она не услышала среди шума леса звук воды. Где-то впереди был ручей, и она поспешила к нему. Когда Танзи слушала шум воды, у неё пересохло в горле, и во время бега она дышала с хрипом умирающего старика.

Ручей был шире, чем девочка себе представляла. Осмотревшись, она подошла к нему и зачерпнула руками воду. Понюхав её, Танзи успокоила себя, что вода не пахнет и, убрав спутавшиеся волосы за уши, жадно принялась пить. Лишь изредка останавливаясь, чтобы сделать вдох, она безуданно заполняла желудок холодной прохладой, пока к горлу не подступила тошнота. Тогда она удовлетворённо вздохнула, умылась, вымыла руки и отошла, облокотившись об упавшее дерево. Теперь Танзи могла обдумать всё и решить, что делать дальше. Но перед этим она решила тихо поплакать, выдавив со слезами все эмоции, которые она так давно в себе держала. Она плакала так долго, что глаза успели высохнуть от слёз.

И в этот момент Танзи услышала тяжёлые шаги. Неподалёку от неё, завывая, брёл огромный медведь. Девочка в панике закричала.

Монстр повернулся и посмотрел ей в глаза. Тело окутал невыносимый ужас. Она попыталась встать, но тело ей не поддалось. Она вспомнила сон, как не могла управлять собственным телом, так старалась убежать, но не могла. Медведь уже шёл к ней. Собрав все силы, она схватила горсть земли и кинула в морду зверю. Тот огрызнулся. Закричав, она побежала к ручью, стараясь пересечь его, но упала в воду. Зверь нёсся к ней. Танзи схватила камешек и бросила в зверя, шагнула назад, нашла камень побольше и вновь швырнула. Получив в разинутую пасть, медведь не мгновение попятился, и девочка вновь ринулась прочь. Ноги вновь ослабли, и Танзи уже не могла бежать. Она не чувствовала усталости – лишь ужас и страх смерти. Упав навзничь,

она пятилась и искала, что ещё можно швырнуть в зверя: камушки, ветки, листва и земля – всё шло в ход, ни ничего не останавливало медведя. В последний момент он встал на задние лапы и зарычал. Девочка зажмурилась и закричала:

– Н-Е-Е-Е-Т!

Когда Танзи вновь открыла глаза, она увидела не огромного медведя, а мужчину. На его висках выступила седина, а лицо украшали густые усы, стекающие от уголков рта в местами поседевшую бороду. Увидев, что Танзи пришла в сознание, он улыбнулся и остановился:

– Как ты себя чувствуешь?

– Где я?

– Дай подумать, – он посмотрел вверх, на кроны деревьев, затем по сторонам, кивнул и продолжил: – Думаю, ты в лесу. Ты в порядке? Что с тобой случилось?

– Я не помню. Мы с мамой и папой ехали сюда зачем-то. И потом помню, как я бежала Ах! – Танзи вскрикнула и закрыла руками лицо, – Я бежала от медведя!

– Тише, тише. Тебе не стоит вспоминать. Как тебя зовут?

– Танзи, меня зовут Танзи

– Тебе нужно немного отдохнуть, Танзи. Я отведу тебя в наше поселение, а потом, как окрепнешь, подумаем, что делать, хорошо?

Девочка неуверенно кивнула и прижалась к мужчине.

– Меня, кстати, Пётр звать. Пётр Лесник.

– Лесник Это фамилия? Кого-то в вашей семье звали Лесник?

– Конечно, нет, – засмеялся мужчина, – это, разумеется, известно, что фамилию даруют семье по заслугам человека, но я Лесник, потому что лесник. Таким толком в деревне мы все друг друга зовём. Ты поймёшь. Мы почти пришли.

Девочка посмотрела вперёд. Вдалеке, у края леса, виднелись первые домики – деревянные, некрепкие и попорченные временем, но по-прежнему уверенно сдерживающие ветра и дожди. За ними можно было разглядеть людей, в основном стариков, но и смех детей тоже разносился по округе. Пока девочка рассматривала окрестности, Пётр донёс её до поселения и поставил на ноги. Она неуверенно сделала шаг. Люди, работая тут и там, остановились и не мгновение посмотрели на гостью, но после вновь продолжили заниматься делами, и лишь четверо детей подбежали к ней, с интересом посмотрели, словно увидели что-то необычное, но почти тут же убежали.

– У нас тут все друг друга знают, чужаков почти не бывает, только торговец. – Пётр ненадолго замолчал. – Там мой дом. Дверь не закрыта. Ложись на кровать и поспи, я приду к заходу.

Танзи послушалась. Голова кружилась, и она не могла вспомнить, что произошло. Она понимала, что забыла что-то важное, но ничего не могла с этим сделать. Медленно волочась к указанному дому, она прислушивалась к голосам:

– Ребята, – зашептал один из мальчишек за углом ближайшего к ней дома, – а где Лесник её нашёл?

– А может она такая, волшебная, – продолжил второй, – дядька её нашёл в гнезде волков, и она умеет превращаться?

– В кого превращаться?

– Ну, в волков этих. Будет ему теперь дом сторожить, дядьке, пока он в лес ходит.

– Дурак ты, – вмешался третий мальчишка, – не волки гнёзда выют, а птицы. Волки яму копают и спят в ней.

– Тогда она яму в доме дядьки раскопает?

Танзи посмотрела в сторону мальчишек, и те, испугавшись, спрятались за углом, а ещё через мгновение понеслись прочь. Девочка вздохнула. Теперь она начала прислушиваться к

знакомому голосу Петра. Тот стоял рядом с небольшим деревянным мостиком через реку и разговаривал с женщиной:

– Она какая-то странная, – сказала незнакомка.

– Я думаю, её родителей утащил волк или ещё кто похуже, а девочка спаслась чудом – Пётр посмотрел на Танзи и заговорил чуть тише: – Посмотри, она, кажется, несколько дней ничего не ела.

– Ртов у нас и без этого хватает, – всё так же громко ответила женщина. – Хворост принёс, как заказывали?

– Ещё не весь, обожди, отдохну и донесу твою часть, Рыбачка.

– Давай-давай, Лесничок.

Стараясь вслушиваться в речь людей, которые разговаривали так громко, что и подслушивать тайком не пришлось бы, Танзи всё-таки добралась до дома Петра. Он мало чем отличался от других, и, похоже, все лачуги в деревне были выполнены на один лад. Открыв старую, но крепкую дверь, она вошла в полумрак. Весь дом состоял из одной большой комнаты, углы которой были закрыты либо старыми пустыми и полу гнилыми шкафами, либо самодельными перегородками из шкуры животных, чьи основы, прибитые к колам, были вкопаны в землю. У ближайшего угла, огороженная большой конструкцией из старого шкафа и навеса, стояла кровать. На деревянное основание была щедро настелена солома, крытая сверху шкурой. Подушка из этого интерьера выбивалась своей натуральностью: её явно делал в городе какой-то мастер, а Пётр, скорее всего, купил. Не думая ни о чём, Танзи упала на кровать и погрузилась в долгожданный крепкий сон.

К жизни в деревне Танзи привыкла быстро. Пётр каждый день уходил в лес, собирая жителям хворост для вечернего костра (у него в доме был небольшой камин) и выходил на охоту с несколькими мужчинами. Сам Пётр говорил, что очень хорошо понимает повадки животных, а потому знает, когда на них можно выйти охотиться и как подойти, чтобы не спугнуть. Возвращался он только к вечеру, когда солнце успевало почти полностью скрыться за горизонтом.

Девочка тем временем старалась чем-нибудь помочь по дому: навести порядок, принести чистой воды или перестелить сено. Пётр уступил Танзи возможность спать на кровати, а сам, быстро раскопав себе под рост ямку рядом, занял её. Ему было явно неудобно, и ночами он часто ворочался, отчего под утро сено было разбросано по половине дома, и Танзи всякий раз бережно складывала его на место.

Она старалась вспомнить, что же случилось с ней в лесу, но получалось это с трудом. Чем дольше она сидела, вспоминая события последних дней, тем сильнее её окутывал страх.

Иногда она выходила из дому поиграть с детьми, но из всех забав, которые те знали, были либо догонялки, либо прятки. Они всегда старались умчаться в лес, куда Танзи боялась идти. Как только её окружали деревья, голова начинала звенеть, как колокольчик, нагоняя неопишущий ужас. Потому дети не всегда хотели с ней играть и избегали её, как избегали общения с ней и другие жители поселения. Пока в этом не появлялось нужды, они делали вид, что девочки вовсе не существует, и лишь иногда с неохотой подходили, чтобы она передала Петру какие-то слова по возвращении.

Но Танзи не жаловалась. Ей было комфортно проживать день за днём, пока на пятые сутки её пребывания не случилась беда, потянувшая за собой череду ужасных событий.

В этот день Пётр отправился с тремя мужчинами на охоту, и все предвкушали, что они придут с уймой мяса и шкур.

Но пришли они лишь с вестью, что в лесу начался пожар. Уже скоро нешадное пламя можно было увидеть из деревни, и оно не спешило останавливаться. С каждым мгновением оно подступало всё ближе к поселению, и все поспешили к ручью черпать воду и готовиться

к неравной схватке с пламенем. Танзи в тот день велели спрятаться в доме, но девочка не послушала. Она понимала, что после пожара жители упрекнут её, потому что она не помогла. Взяв расколотую бадью, найденную на задворках хижины, Танзи поспешила к ручью.

В это время пожар уже подошёл к деревне, и даже дышать удавалось с трудом. Люди бегали с водой к деревьям и траве, обливали и бежали обратно. Их потуги мало чем помогали. Танзи зачерпнула немного воды и поспешила вперёд. С каждым её шагом воды в бадье оставалось всё меньше: она стремительно утекала через щели, и за девочкой тянулся длинный след. Ей крикнули держаться от огня подальше, но Танзи не послушалась. Закрыв рукой большую дыру, она побежала дальше. Где-то поблизости затрещал обугленный ствол, закричали люди. Кто-то окликнул Танзи. Прямо перед ней обрушились чёрные остатки сгоревшего дерева, и девочка упала. Лицо пылало, дышать было трудно, и с каждым вдохом внутрь проникало нещадное пламя, сжигая её изнутри. Захрипев, она попыталась.

Этот день она вспоминала с ужасом. Не только потому, что тогда она чуть опять не погибла, но и потому, что многие в тот день лишились домов. Лес, живой и могучий, которого она боялась, стал ещё более пугающим, чёрным и безжизненным. Среди жителей стала ходить молва, что их лес стал похож на Проклятые земли из легенд о Первых богах.

Через день после пожара в деревню приехал торговец. Он гордо кричал своё имя: Дентерро, а затем с ещё большей гордостью зачитывал длинную фамилию: Петер Вальтхед Ульберт Липтих. Для поселения, едва пережившего пожар, у него было очень много вещей – от старых табуретов до провизии, в которой так все нуждались. Цены были низкими, и в придачу он предлагал обменять старые вещи на прекрасные монеты. И, сочувствуя жителям, подарил самым щедрым покупателям настойку из Тифенона – «для успокоения».

Дентерро уехал так же спешно, как и приехал. Он клялся, что вскоре вернётся к ним, как только посетит ещё несколько поселений и пополнит запасы. Чтобы купить для Танзи еды, Пётр продал несколько шкур из своей хибары. Когда торговец уехал, он спешно направился в лес искать хворост для обогрева. К вечеру Лесник пришёл уставший и грязный, в саже, а за спиной нёс небольшую связку дров. Отложив несколько прутьев себе и наказав девочке развести огонь, Пётр направился выменять хворост на что-то полезное.

Этим вечером старик, смыв с лица и рук сажу холодной водой из ручья, уснул, не съев ни кусочка.

Наутро всю деревню созвали на совет: в ручье, что тянулся через поселение, погибла вся рыба.

- Это проклятье на нас! – причитали жители.
- На нас ниспослана кара: лес, а теперь и вода.
- В чём мы были неправы? В чём мы помешали Первым?

Жители в панике не могли найти выхода, каждый из них искал свою причину, за что на них обрушилось проклятье, пока кто-то из мальчишек, перекрикивая гул, не выпалил:

- Как она к нам пришла, так и начались беды!
- Гул мгновенно затих. Каждый обдумал слова и, уже через мгновение, завопили:
- Да, да!
- Она принесла нам беды!
- Прочь гнать её!
- Она осквернила и лес, и воду!
- И Петра навлекла на неудачи!

Танзи стояла у края толпы и видела, как их паникующие лица быстро сменялись на гневные. Почти все, как одурманенные, показывали на неё пальцем и кричали, обвиняя во всех бедах. На глазах быстро выступили слёзы.

- Замолчите! – вступился Пётр.

Он встал перед девочкой, закрыв грудью от толпы и в гнев соединил брови:

– Она ребёнок, ироды! – кричал он. – В свои годы она столько пережила, и вы ещё на неё свои беды сбрасываете? Да как вам

Его нарушил стук копыт. Через мёртвый сожжённый лес к ним приближался торговец Дентерро. Он радостно смеялся, потирая руки, и жители, забыв о проблемах, поспешили в свои дома. Как только торговец спёшил, к нему повалили люди, желая обменять свои последние пожитки на золото, а затем тут же меняли его на Тифенитовую настойку.

Взяв девочку за руку, Пётр повёл её домой.

– Не слушай их. У них случилось много плохого, и поэтому они обвиняют в своих бедах других. Всегда легче кого-то обвинять, чем признавать свою вину.

Гул у телеги торговца не прекращался до сумерек. Лишь когда Дентерро спрятался под крытым передвижным убежищем, все остальные медленно стали разбредаться по домам. Танзи боялась даже выглядывать в окно – опасалась, что они вспомнят про неё и вновь обвинят в том, что она не делала. С этими мыслями девочка всё никак не могла уснуть, а наутро долго не могла встать с постели. Лишь увидев, как и Пётр не встаёт из своей землянки, она вскочила.

Его тело уже остывало.

Забыв обо всём, Танзи поспешила на улицу. Она подбегала к домам, стучала в двери и просила о помощи, и, не дожидаясь, пока кто-то ей ответит, бежала к следующим. Кто-то выглядывал в окно, ворчал и вновь прятался за стенами, но несколько человек решили проверить, что же случилось. Они неуверенно вошли в хибару Петра и осмотрелись:

– Негусто, – прохрипел старик.

– Пётр, помогите ему! – всё кричала Танзи.

Неуверенно подойдя к телу, старики пощупали грудь, один из них задрал рубаху и приложил ухо к телу:

– Ушёл, – вскоре заключил старик.

Грустно вздохнув, они разбрелись по домишке, собирая что-нибудь, что вообще можно взять. Девочка смотрела на них с ужасом, но боялась сказать хоть слово. Она попыталась к стенке и, медленно опустившись к земле, тихонько заплакала. Закончив, один из стариков погладил её по голове, и они вместе с остальными поспешили к торговцу. Танзи слышала, как люди вновь просили у Дентерро продать им сладость из Тифенита, готовые даже дать взамен еду, что у них осталась.

Танзи до самого вечера просидела дома. Никто не пришёл к Петру и тем более к ней. Голод давал о себе знать, но страх не позволял ей выйти на улицу.

Сумерки спускались медленно, каждый миг тянулся ужасным голодом. Танзи не знала, что ей делать: мысли в голове путались, и в этом ужасе к ней возвращались события в Горном привале, а с ними и осознание, что нужно найти дедушку Джиллина. Танзи верила, что только он сможет спасти её. В это время вокруг старой лачуги Петра собирались люди. Они старались не шуметь, но гул и топот можно было различить издали. Танзи неуверенно подошла к окну: вдалеке, у своей повозки, сидел Дентерро и с интересом наблюдал за происходящим. Дом окружили жители. Рыбачка вышла вперёд:

– Мы приняли зло! Девка, – она махнула своим большим кулаком в сторону лачуги, – принесла к нам несчастье, принесла беду. И Первые нам давали знак об этом: погорел лес, убежали звери. Мы не признали этот знак и поплатились. Вода стала отравленной, погибла рыба, и теперь, чтобы просто выпить водицы, мы должны её купить! А на что купить? Вот! Всё это из-за неё! Из-за неё! И Пётр наш, наш лесник, из-за неё умер! Даже прижать земле его не можем, она нам его не даёт! – Она выждала паузу, дав людям обдумать её слова. – Так надо от неё избавиться, прочь гнать, прочь! Сжечь!

– Сжечь! – подхватила толпа.

– Подпирайте дверь, колотите окна, чтоб не сбежала, и несите огня!

Не успела Рыбачка договорить, как жители поселения поспешили выполнять её указы. Дверь подпёрли какой-то скрягой и, пока кто-то нёс неудачно сделанный факел из старого тряпья, остальные смыкали дом кольцом. Танзи, подбежав к телу Петра, обняла его:

– Спасибо за всё, что сделал для меня, – вытерев слезы, она поспешила выпрыгнуть в окно, на другой стороне, где ещё не было людей.

– Вон, сбегает! – закричал кто-то.

– Где? Лови!

Девочка неслась прочь со всех ног. В ночи сложно было разглядеть дорогу, и она не раз чуть не ударялась о сгоревшее дерево, то и дело спотыкаясь, падала, поднималась и бежала дальше. Ей казалось, что за ней бежит вся деревня, и вот-вот её догонят, вернут в дом и сожгут вместе с телом Петра. Отчаяние и желание жить давали ей силы бежать дальше. Лишь глухой удар о ствол дерева остановил её. Она упала на спину, крикнула что-то и упала в пустоту.

Слепящее солнце привело девочку в чувство. Голова невыносимо болела, по всему телу остались ссадины и синяки. Ноги от усталости гудели. Но сильнее этого её терзал голод. Танзи не могла мыслить здраво, не могла понять, где находится и куда нужно идти. Всё, что было в голове, – это знание, что у горы есть поселение. Нужно идти к ним. Сожжённый лес не укрывал в тени, и гору было видно отчётливо. Она казалась совсем рядом, и девочка побрела к ней. В полудрёме она огибала заросли и кусты, не без усилий перелезала через поваленные деревья, пачкаясь сажеей, и шла дальше. Шла, невзирая ни на боль, ни на голод.

Вскоре вдалеке послышался говор – люди. Значит, она уже пришла. Аккуратно подойдя к краю деревушки, она осмотрелась: знакомое чувство страха переполняло её, но понять почему она не могла. Голова невыносимо болела, растекаясь по всему телу. Всё, чего она желала, – это поскорее остановить боль. Стиснув зубы, она побрела вперёд.

Среди толпы промелькнула знакомая фигура – отец. Он и ещё несколько человек возделывали небольшое поле. Девочка издали окликнула его, но мужчина не отзывался. Лишь когда Танзи подошла к нему, он поднял голову и широко улыбнулся:

– Я знал, что ты придёшь, дочь моя. Придёшь славить новый рассвет этого мира.

– Что? Я? Нет, папа!

Танзи схватили и повели в деревню, в тот самый дом, где недавно она жила с родителями. Окна были заколочены, а к двери приделан засов. Затолкав девочку внутрь, Лиор с остальными поспешил к полю. Лишь позже к ней пришла мать. На её лице была ужасная улыбка, а глаза широко раскрыты. Она открыла дверь и обняла Танзи:

– Как я рада, что ты пришла. Девочка, я так ошибалась насчёт их. Они все такие прекрасные люди. Они правы, надо лишь стать верными Ты понимаешь? – Ора посмотрела на Танзи, и, не убирая с лица улыбки, нахмурилась. – Ты не понимаешь. Рано! Ты не готова! Думай над своим поведением!

Закрыв девочку в доме и заперев дверь на засов, она ушла прочь. Плакать сил у Танзи больше не было. Она устала бегать и искать спасения. Смирившись со своей участью, она села у старого камина, разглядывая давно остывшие угольки. И крики на улице не заставили её отвлечься от этого занятия.

Кто-то кричал, кто-то взывал от боли. Слышалось ржание лошадей и лязг стали. Танзи не хотела знать, что происходит за стенами. Она смирилась со своей судьбой. «Если и этот дом подожгут, я не буду убегать», – думала она, всё глубже прячась в свои мысли. И лишь знакомый голос привёл её в чувства. Это был голос Джиллина. Вскочив, Танзи побежала к окну, стараясь в щель разглядеть что-нибудь.

Она видела, как люди в тяжёлых тёмно-красных доспехах бегут по деревне и отводят куда-то поселенцев.

– Длань! Длань! Дедушка! Спаси меня! – Танзи подбежала к двери и забарабанила что есть сил.

Дверь открыл мужчина, облаченный в знакомую ей сталь. Опустившись на колени, он глухо произнёс:

– Наконец-то мы тебя нашли, – он снял шлем и взглянул на неё. Это был мужчина, выдавший лучшие годы жизни. Правый глаз был рассечён старым боевым шрамом, который накрыл мёртвой пеленой зрачок. Но он, казалось, ему совсем не мешал: – Пошли, твой дедушка будет рад тебя видеть.

Джиллин стоял в центре площади. Перед ним на коленях стояли поселенцы. С их лиц не уходила пугающая улыбка. Увидев внучку, Джиллин улыбнулся. Он дождался, когда Танзи подбежит, поднял её на руки и крепко обнял. Девочка заплакала. Она кричала навзрыд, так сильно, как только могла.

– Ты молодец. Ты столько пережила, и дала нам знать о себе. – Джиллин взял руку девочки, и в этот миг на ней на мгновение появились старые символы, которые тут же исчезли, – Длань никогда не бросает членов ордена в беде.

Старик дождался, когда Танзи наплачется, и опустил её на землю. Взяв девочку за руку, он повёл её к толпе связанных людей, среди которых были и её родители. Они посмотрели на дочь пустыми глазами, широко улыбаясь.

– Скажи мне, Танзи, – прошептал ей Джиллин, – кто эти люди?

– Эти люди – неверные Короне, – заявила девочка.

– А что делают с такими людьми?

– Наказывают.

– Молодец, – он погладил её по голове, – давай смотреть, как их настигает кара.

Танзи кивнула. Джиллин махнул рукой, и члены ордена достали из ножен мечи. Площадь быстро залилась кровью. Покатились отсечённые головы, упали тела. Все они не прекращали улыбаться, наивно и слепо веря в свою верность новому и чистому.

Выбор

Принято считать, что честный человек никогда не обратится к услугам наёмника. Издавна все, кто желал провести незаконные дела и остаться незамеченным, пользовались услугами мастеров клинка и скрытности. И все те, чьи руки уже никогда не отмыть от пятен крови, имели возможность заработать, хотя и рискуя жизнями. Но мастерам всегда пытались подражать. Какие-нибудь простаки, рассказывающие, что являются настоящими наёмниками, за плечами которых десятки интриг, горы тел и море крови, быстро теряли и уверенность, и жизнь, едва успев выйти за территорию деревушки.

Такими способами бывалые наёмники не просто проверяли готовность новичков браться за заказы любой сложности, но и избавлялись от тех, кто может очернить славу мастеров клинка и тени.

Хаос и страх много лет оседали в сердцах жителей Королевства. Образ преступника, которому всё сходит с рук, укоренился за титулом наёмника. Вскоре, им в противовес, в столице стали появляться гильдии, главной целью некоторых были поимка или убийство наёмников.

Проходили года. Те, кто когда-то был мастером клинка и скрытности, стали исчезать. На их место приходило новое поколение – праздных пьянчуг, ветеранов службы Короне и тех, кто по каким-то причинам не смог стать членом гильдии. Разумеется, оставались те, кто ценил негласные правила наёмника, обучал молодых и пытался донести одну истину:

«Быть наёмником – значит не прятаться под гербами гильдий и не тешишь себя ложной надеждой, что кто-то сможет помочь. Только ты сам можешь защитить себя в случае опасности, только ты сам можешь заработать себе на кусок хлеба».

Простой люд всё равно не спешил им верить. Подумать о том, что убийцы имеют свой кодекс чести, было невозможно. Отчасти потому, что новое поколение не горело желанием связывать себя правилами, ведь согласно им наёмник, не способный выполнить заказ или не уверенный в своих силах, должен оставить дело и направиться в Проклятые земли. Там, помогая Королевству уничтожать мертвецов и задерживая Марш, они выполняли свой последний долг и искупали грехи.

Но сейчас Аспер взял на себя попытки изменить мнение простых людей о наёмниках. Он при поддержке советника Гривуса и жителей Тифенона всеми силами пытался изменить наёмничество изнутри: негласные правила стали закреплены, и их соблюдение требовалось от каждого, кто ступил на этот путь. Заказы принимались и выдавались только через таверну в деревне Тифенон; были запрещены любые условия контракта, нарушающие закон Королевства. Было отменено правило, требующее уходить в Проклятые земли. Теперь юнцы, желающие посвятить жизнь наемничеству, могли брать уроки у тех, кто всю жизнь держал оружие в руках и был в местах, о которых даже слушать страшно.

Но народ не спешил менять мнение о них. Несмотря на все усилия, люди не могли простить тех, кто совсем недавно без угрызений совести брался за заказы об убийстве, шантаже и вымогательстве. И всё-таки Аспер не терял возможности ещё раз показать, что наёмники изменились и стали такими же служителями Короны, как и все остальные, лишь с собственными правилами и постоянным риском.

Как только появлялась возможность, Аспер брался за выполнение самых тяжёлых из имеющихся заданий. Таким образом он старался показать, что наёмникам можно доверить опасную и трудную работу и что они уже давно не те неотёсанные убийцы, какими их запомнила история.

И в этот раз он спешно взялся за странный заказ. Раньше он всегда отказывался или собирал как можно больше сведений, но в этот раз что-то тянуло его взяться на работу, несмотря на подозрения.

Аспер направился в путь с первыми лучами рассвета, предвещая, что уже скоро доберётся до поместья. Однако его очертания он увидел вдаль, когда солнце уже перешло пик и тени спешно начинали подниматься над долиной.

От поместья неспешно отдалялись две богато украшенные повозки. Поместье находилось среди нескончаемых зарослей сорняка и диких кустарников и совсем не имело дорожки или какой-либо тропы, по которой можно было бы к ней выйти. Коням было непросто тащить своих хозяев, но отказываться от работы им было не дано. Так что теперь, услужливо пропустив повозку, он вышел на прибитую копытами и колёсами тропу.

Само поместье своими масштабами походило на столичную ратушу. Это было высокое, в три этажа здание, изогнутое почти в квадрат без последней четвёртой стороны, украшенное высоким чердаком, который тоже можно было использовать под этаж. Рядом с ним стояла пара больших металлических летних беседок, каждая из которых могла спокойно вместить до десяти человек.

В одной из них сидели пятеро. Пятеро человек, то и дело недоверчиво косившихся друг на друга и не притронувшихся к чаю, который был им так любезно предложен. Рядом стоял мужчина, одетый в дорогой деловой костюм и безэмоционально наблюдающий, как Аспер спускался к ним с пригорка. Сложно было понять, какого возраста этот мужчина: на лбу прочерчивалась лишь небольшая, неестественно глубокая морщина, в то время как руки, щёки и глаза выглядели так, словно принадлежат совсем ещё молодому парнишке. Им в противовес назад были зачёсаны жидкие холодно-белые, как первый снег, волосы. Пока остальные о чём-то ворчали, ёрзали на своих местах, он не повёл и бровью, терпеливо ожидая, когда наёмник подойдёт ближе.

Аспер не торопился. Он старался рассмотреть всех людей, их реакцию и поведение, привычки и тон голоса. Но ничего дельного не узнал, кроме их открытого недоверия друг к другу. Наконец, седовласый мужчина в костюме хлопнул в ладоши, поднял уголки губ в улыбке и обратился к подходящему наёмнику:

– Рад видеть последнего участника. Добро пожаловать, уважаемый гость. Изволите присесть к остальным, испить чаю и перевести дух с дороги?

Аспер посмотрел на людей за его спиной. Поняв настрой, он помахал головой, показав отказ. Мужчина кивнул и продолжил:

– Как изволите. В таком случае, господа, гости, с прискорбием сообщая, что пришла пора прервать ваш отдых и проследовать за мной, – никого не дожидаясь, он неспешно последовал ко входу, продолжив говорить. – Меня можете именовать Организатор или, если удобнее, Штефан. Все вы, так или иначе, были избраны для великих целей. Ваша жизнь полна свершений; многое уже давно грузом боли и страданий лежит на плечах. Здесь, в стенах сего поместья, вы встретитесь с призраками прошлого и, обуздав их, сможете изменить свою жизнь. Вы желаете этого, я уверен. Если же испытание будет вами провалено, увы, вас ждёт вечная агония.

Аспер посмотрел на людей. Все они спокойно слушали слова Организатора, и даже запугивание не вызвало у них какого-либо дискомфорта. Казалось, все они были готовы даже к объявленным мукам и страданиям.

Штефан остановился у входа, вновь посмотрел на всех гостей, прочистил горло и щёлкнул дверной ручкой, открыв дверь в особняк.

Холл был огромным, уступая своими масштабами, возможно, лишь главному залу Ратуши. Книжные стеллажи; богатые большие диваны и деревянные столы, украшенные удивительной красоты резьбой; гобелены с вшитыми золотыми нитями; канделябры, установленные на полках и верно ждущие, когда им будет позволено разлить свет свечей по этой необъят-

ной комнате; две огромных лестницы, ведущие на балкон второго этажа. Сразу за ними, в ряд, располагались комнаты с мощными дверьми и небольшими табличками. Аспер предположил, что это гостевые комнаты. Пока все с удивлением и восторгом осматривали красоты комнаты, кто-то вложил в руку Аспера небольшой обрывок пергамента.

– Не сейчас, позже, – прошептал он и поспешил прочь.

Это был мужчина не старше тридцати лет в дорогом ало-зелёном бархатном костюме и высоких сапогах, которые часто надевают на парадные встречи. Лицо гордо украшали два густых уса, кончики которых были мастерски завёрнуты вверх. Он с наигранным интересом рассматривал огромный портрет какого-то лысого круглолицего мужчины в красной форме.

– Здесь, дорогие гости, – вновь заговорил Штефан, – сегодня до конца дня вы можете любоваться красотами, отдохнуть или почитать скромную коллекцию литературы. Выше по лестнице, – он указал рукой на двери, – ваши гостевые комнаты, каждая из них подписана и зачарована. В чужую комнату без приглашения или разрешения войти не выйдет. Покинуть поместье у вас также не выйдет. Испытание начнётся с первым мгновением нового дня. На сём, если не желаете задать мне вопроса, я покину вас. До завтра, дорогие гости.

Штефан низко поклонился и спешно скрылся за одной из дверей на первом этаже. На фоне декораций комнаты простенькие двери выглядели неестественно, и, в сравнении с размерами поместья, тяжело было представить, куда они могли вести. Один из гостей подёргал ручку двери, за которой скрылся Штефан, но та не поддавалась. Издав что-то среднее между «хи» и «хм», он посмотрел на остальных и молча направился к лестнице. Неуверенно поднявшись, он посмотрел на небольшие вывески, нашёл свою комнату и скрылся за дверью.

Сон накатывал на удивление стремительно. Аспер ещё никогда не засыпал так быстро в новом месте. Чувство тревоги, выработанное годами, не позволяло ему погрузиться в глубокий сон и отдохнуть вдоволь в местах, где он бывал впервые и не мог гарантировать себе полную безопасность. И сейчас, чтобы побороть усиливавшуюся с каждым мгновением усталость, он встал с мягкой, чистой кровати с каким-то причудливым ароматом персика и посмотрел в единственное в его комнате окно. Оно выходило во двор, который был ничем не примечателен.

До забора вся трава была профессионально выкошена и примята, чтобы можно было по ней беспрепятственно гулять, наслаждаться прохладным воздухом или просто лечь, позволив вечернему теплу неба окутать лицо и погрузить в сон.

За забором распростёрлась дикая местность. Небольшие кустарники, колючая трава по пояс, какая-то странная ягода, красная и чёрная, сморщенная, но так и не упавшая с ветки, целебная трава эльфхель и какая-то одинокая лоза малого эльфского винограда, непонятно откуда попавшая в эти края.

Аспер терпеливо рассматривал незнакомый пейзаж. Он старался как можно чётче сохранить его в памяти, чтобы в случае опасности сориентироваться по приметным местам.

За дверью ходили. Кто-то явно не терял возможности прочесть таблички гостей и выяснить, с кем им выпало судьбой делить одну крышу большого дома. Внезапно за дверью дважды шаркнули ногой. Аспер в ответ откашлялся.

Такой шифр был предложен человеком, что вручил наёмнику в холле записку. В ней он представился как Рул и долго объяснял, что очень часто вверял свою жизнь чутью, и чутьё это много раз спасало его. Он кратко рассказал несколько историй о том, как чутьё спасло его от травм или даже сохранило жизнь. Резко завершив истории прошлых лет, он подчеркнул, что сейчас чутьё бьёт тревогу. Мужчина писал, что в хозяине есть что-то необычное, но, чем больше Рул об этом думает, тем сильнее мысли сменяются на абстрактные любования красотою. Он обобщил всё замечанием, что Штефан, кем бы он ни был, может влиять на мысли людей, и предложил объединить силы в расследовании тайны. Под конец Рул не забыл сказать, что чутьё требует доверять ему, Асперу, ведь в нём он чувствует спасение.

Аспер достал листок из нагрудного кармана и спешно прочёл ту часть, где он предлагал им встретиться:

«Шаркнул возле двери два раза – значит, проверяю, в силе наша встреча или нет. Если да, прокашляй. Если коридор чист и можно выйти, я дам лёгкий стук в дверь. Если шаркну один раз, значит, есть посторонние».

Но никаких звуков больше не последовало. Аспер для верности кашлянул ещё раз и приготовил метательный нож в руке. Он посмотрел в окно, увидел, как маленький обрезок луны судорожно спешит спрятаться за облаками, и зашторил комнату. Затем подошёл к двери, прислушался. В этот самый момент он услышал глухой, слабый стук и неуверенно приоткрыл дверь, держа оружие наготове. В ночных тенях блеснул свет глаз. Аспер вышел.

Рул смотрел на него, с силой придавив палец к губам. Затем, согнувшись, он сделал широкий шаг в сторону лестницы на первый этаж. Он двигался неуверенно, опасаясь, что какая-нибудь доска заскрипит и выдаст его положение. Аспер шёл ровно по его следам, вслушиваясь в давящую тишину. Такое отсутствие звуков тяготило сознание наёмника. Любой звук, сопение, полёт мошки, мотыля, шаг мыши были бы естественны, но ни единого звука жизни не достигло его.

Наконец они спустились. Рул оглядел этаж, позволив себе сделать глубокий вдох. Теперь громкое сопение громом нарушило мёртвую тишь. Аспер молчал. Тогда мужчина махнул, призывая дальше следовать за ним, и направился в тёмный угол. Наёмник насторожился. Он незаметно взял во вторую руку короткий, с пол-ладони, кинжал и на расстоянии последовал за мужчиной, стараясь взглянуть в темноту и проверить, нет ли там никого третьего.

Рул остановился, когда свет из окон перестал падать на него. Он прошептал еле слышно, но даже в тишине сложно было разобрать слова. Аспер напряг слух и на свой риск подошёл почти вплотную к мужчине.

– Спасибо, что решил довериться мне. Надеюсь, я сам правильно поступаю, что делюсь с тобой своими мыслями. Понимаешь, я Чувствую, как кто-то или что-то меняет мои мысли, и я уже с трудом могу думать о об этом. Мне кажется, Штефан имеет некие способности. Я даже не могу сообразить, но не чувствую страха или чего-то ещё от того, что я здесь нахожусь. Словно в гостях у старого друга.

– Тебя пригласили сюда? – спросил Аспер.

– Да. Нет, словно в тумане. Когда я хочу вспомнить, я забываю об этом ещё сильнее. Странно, – Рул потёр глаза. – Слушай. На испытании следи за остальными, следи за Штефаном. Если произойдёт что-то странное, сообщи мне. А я буду думать, что мы можем с этим сделать. Хорошо? Вот, возьми золото. Ты наёмник, а вы любите золото.

Аспер не двинулся. Он размышлял, стоит ли доверять этому незнакомцу, стоит ли брать деньги. Он сомневался, говорит ли его внезапный союзник правду или лукавит об окутанных туманом воспоминаниях и о предчувствии. Рул молча ждал с протянутым кошелём.

– Я не обещаю помогать тебе, – ответил Аспер. – Но буду настороже.

Он развернулся и последовал в свою комнату. Так тихо, что ни единая половица не скрипнула под его ногами.

Сражение началось уже давно. Знакомый ему отряд наёмников вёл кровопролитную неравную битву против сил мятежников. Десятки, если не сотни бездыханных тел уже лежали на земле. Те, с кем совсем недавно он сидел за одним столом в таверне, бросая кости, сейчас падают, лишившиеся конечностей или, в худшем случае, жизни. Те, кто ещё стоял на ногах, принимали удары уже от двух противников, но и их силы были на исходе. Они ждали, когда их командир, когда Аспер даст приказ. Но он медлил. Он судорожно старался понять, какой бы приказ отдал *он*, как бы Пантир смог спасти их жизни.

В этом ожидании Аспер сам не заметил, как загнал себя в ловушку. Он уже не думал над тактикой, над тем, как спасти выживших, организовать отступление и перегруппировку,

а лишь ждал и верил. Ему казалось, ещё через мгновение Пантир появится, возьмёт инициативу и скомандует, перевернёт ход сражения и поведёт их в атаку, чтобы нагонять и добивать отступающих противников. А пока этого не случилось, нужно выиграть время.

– Командир, что нам делать? – выкрикнул кто-то.

– Командуй, Аспер!

– Что делать?

– Аспер!

Но он не шевелился. Он не мог позволить себе отдавать приказы. Единственное, что ему оставалось делать, – это смотреть, как оставшихся в живых наёмников добивают мятежники. И в тот миг, когда предсмертный хрип последнего наёмника пронёсся по полю битвы, Аспер услышал знакомый голос. Уставший мужчина с пустым взглядом и двумя шрамами: один на левой щеке, другой высоко на лбу – вышел и встал перед Аспером.

– Мы проиграли. Ты проиграл, – прохрипел он.

– Я ждал, я верил, что ты придёшь!

У Аспера спёрло дыхание. Он посмотрел, как мятежники обходили трупы и проверяли, не осталось ли кого в живых. Пантир пришёл, но пришёл слишком поздно. Последние два наёмника смотрели, как ветер уносит последние слова их товарищей, надежды и желания, планы и мечты. Где-то внутри он чувствовал вину, что не смог ничем помочь, не смог организовать отступление, но тут же находил себе оправдание: Аспер – не Пантир, и поэтому не может приказывать. Словно слыша мысли, наёмник со шрамами посмотрел на него:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.